

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

После выхода указа Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе...» рядом с Белым домом стали активно собираться толпы несогласных с роспуском парламента и реформами новоиспеченных приватизаторов. Среди них были люди взглядов разного толка: от ультраправых и вчерашних либералов до анархистов с коммунистами. Примечательная черта того времени: увидеть сторонника одной модели мироустройства под флагом другой. Серьёзного возмущения в оппозиционной среде это не вызвало, у всех несогласных была одна общая цель – спасти страну. О своих личных ощущениях от пережитого и жизни на баррикадах в последние дни Верховного Совета рассказывает бывший сотрудник Федерального центра технического творчества учащихся МГТУ «СТАНКИН», участник обороны Советов, член КПРФ Сергей Ерёмин.



– Сергей Васильевич, как вы оказались в Белом доме? Что вас побудило туда пойти?

– Ну как что? Уже тогда всем было понятно, к чему дело идёт. Страна медленно расплзалась на части, эти проклятые рыночные реформы всё больше загоняли население в нищету. А теперь ещё хоть какие-то, но остатки советской власти решили добить, расстреляв Конституцию с законным парламентом.

В Белом доме я оказался очень просто: сел и доехал на метро. Это было ближе к восьми вечера, там уже народ собирался.

– Строили баррикады?

– Первые дни люди просто стояли. В основном собирались на площади, которая сейчас именуется площадью Свободной России. Кто с плакатами, кто без. Милиция нас тогда не теснила, но спокойствие продлилось недолго. Не все стояли подолгу: часик-два – и домой. У нас же как заведено: помитингуем, а на следующий день на работу.

– Вас тогда отпустили с работы?

– У меня были очень хорошие отношения с начальником. Я пришёл к нему и объяснил, что хочу взять отпуск на две недели по семейным обстоятельствам. Он сказал, что всё понимает, если надо, прикроет.

– А что семья?

– Жена отнеслась с пониманием. Пожелала поскорее вернуться и быть аккуратнее. Мои друзья тоже отправились на защиту, заранее договорились, где встретиться. По прибытии обнаружили, что людей стало больше, милиции тоже, пригнали технику. Что тогда, что сейчас любят распускать ложь о том, что так называемый переворот заранее готовился. Чушь! Не было никакой организованности, по этой причине стали собираться отдельные группы, вроде нашей. В качестве опознавательного знака выбрали себе Андреевский флаг.

– Почему его, а не советский?

– Среди нас был один заведующий музейным архивом. Он был очень увлечён изучением истории имперского периода, вот он и принёс нам таких два флага. Ну и к тому же, нам следовало как-то друг друга различать в толпе и на площадях, вот мы и носили такие повязки.

– Хотите сказать, что у вас на баррикаде развеивался флаг двухсотлетней давности?

– Очень может быть. Один был на баррикаде, он у меня сохранился даже. А второй мы вручили. В те дни среди собравшихся возникали особые ритуалы вроде награждений отличившихся. Так, одной из баррикад мы вручили наше «почётное знамя».

– Вы тогда были партийным?

– Я мог стать членом КПСС, если бы не распад. Там же требовался определенный стаж, куча проверок. Мой срок уже подходил и... всё. Нет партии, нет Союза.

– Что вы делали в Белом доме все эти две недели?

– Нашей группе поручили заниматься охраной периметра. Стерегли Белый дом мы с пустыми руками, если повезёт – перепадёт прут или дубинка.

– Против вооруженной милиции и внутренних войск?

– А что нам оставалось делать? Мы ведь не захватывали власть, а защищали. К тому же, если речь и заходила об использовании оружия, то оно лежало в спецхранах и только на случай штурма. Нам прямо так и сказали: будем стоять насмерть, но только когда случится штурм.

– Чем питались, где спали? Какая была погода?

– Мы не стояли на одном месте и всё время перемещались, чтобы разбавить монотонность. А люди все прибывали, вместе с ними шла провизия – бутерброды, пирожки, яблоки, много всего. Это продолжалось, пока кордоны вокруг Белого дома не усилились, и женщинам с завода «Рассвет» стало сложнее к нам подобраться – они-то и несли нам еду. Ещё оставались запасы в столовой, но ненадолго – отопление со светом отключили, поэтому ни о какой готовке кроме как на костре речи быть не могло.

– Вы что-то с собой взяли?

– Полбатона колбасы. Спал я, как и многие, на полу. Когда пригнанных срочников из милиции начали разоружать, мне попался в руки мешок с плащ-палаткой. До сих пор дома лежит. Очень меня спасла! Ночами было холодно, днём потеплее, градусы 10–15.

– Насколько мне известно, в дальнейшем связь с внешним миром осуществлялась через подземные коммуникации...

– Да, через них потом приносили лекарства и свечи. Это были небольшие группы студентов-волонтеров, которые на свой страх и риск пробирались к нам с разных уголков столицы.

– Вы помните их лица? Всё-таки многие из них погибли, например, Наташа Петухова с Алексеем Шумским.

– Шумского нет, а Наташу видел. Позади Белого дома расположился палаточный лагерь. Там кого только не было. И независимые, и ПОРТОСовцы, и левые, и правые, и молодёжь. Она сидела среди них, у костра. Я обычно не то что бы прямо запоминаю чьи-то лица, но её почему-то врезалось в память. По ней было видно, что она много читает, с характером. Я её потом увидел на стенде, очень жалко.

– Да, в Останкино многие сложили головы.

– И я мог оказаться среди них! Третьего числа, ближе к вечеру, народ после призывов Руцкого и с личным порывом устремился брать эфир. Я уселся в автобус, а водитель говорит: «Не заводится! Все на выход!». Попытались несколько раз завести, расстроились. Потом, правда, лоб потирали с мыслью «и слава богу». Особенно когда вечером увидели раненых.

– То есть было страшно?

– Страха не было, мы чувствовали, что это была западня. Тогда мы уже точно поняли, что штурм состоится. Стали готовиться.

– Вернувшиеся сообщили?

– И они тоже, но о расстреле мы узнали намного раньше. В одном из коридоров у нас стоял такой импровизированный приёмник, через него мы получали всю правду. С каждым последующим часом с этим возникало всё больше трудностей. Уже утром по нам стали лупить войска, преданные Ельцину, а к ним добавились митингующие сторонники президента: они блокировали проезд автобусов с вернувшимися от телецентра.

– Что чувствовали, когда исход стал ясен?

– Начну с того, что мы не спали несколько суток. Странное ощущение: организм понимает, что истощён, сил нет, но с ног ты не падаешь и спокойно себя чувствуешь. То ли в адреналине дело, то ли в погружённости во все это – не знаю. Но странность проявлялась ещё в другом, особенно утром 4-го числа. Это заметили и мои товарищи: окрестности накрыл странный голубой туман и такой странный привкус – крови в воздухе. Спустился бронетехника открыла по нам огонь, и одного из друзей у меня на глазах скосило на баррикаде. Мы уже не надеялись, что сможем выбраться, поэтому укрылись в здании и стали готовиться к обороне.

– Вам раздали оружие?

– Да, но воспользоваться мы им толком не смогли, всего лишь зарядили. К слову, любопытный эпизод из работы тогдашней «свободной» прессы. Мы снимали патроны с обоймы, когда забежали японские журналисты и попросили разрешить им снять один эпизод. Они стали снимать наши руки, как мы управляемся с патронами. Я слышу, как они это комментируют, мол, мы готовимся к захвату власти. Я вежливо спрашиваю: зачем вы обманываете людей? А они в ответ: «А правду не пропустят в эфир, нам дали установку снимать именно так».

– Что происходило потом?

– Дальше началась перестрелка. Стены здания сильно вибрировали, сначала от пулеметов, затем от выстрелов танков.

Особенно смелые пытались давать отпор бронетехнике. Например, один худенький баркашовец, только проснувшийся, в одной майке и брюках, выбежал из здания бункера и швырнул коктейль Молотова в один из броневиков. Думал, он не жилец, но успел скрыться!

А незадолго до штурма мои товарищи пытались захватить жёлтый броневик с мегафоном «Жёлтый Геббельс». Как же он не давал нам спать! Круглыми сутками крутил «Путану» Газманова.

– Как же вы выбрались?

– Мы пробирались сквозь тёмные коридоры, рискуя наткнуться на омонцев и альфовцев. Как сейчас помню, на одном из этажей, вижу на полу макарова, думаю, взять или нет? Хотя бы на память. Плюнул и пошёл: ведь если поймают, то безоружным не назовёшься.

Мы вышли через какое-то полуподвальное помещение и ринулись к жилым районам. Милиция к тому времени уже шмолала подъезды в поисках оставшихся защитников. Местные боялись и не открывали нам двери. Со мной была группа депутатов во главе с Константиновым и несколько моих товарищей. Условились, что надо разделиться и идти к метро, нам почему-то казалось, что малыми группами и в людном месте нас не тронут. Бросились по три человека с перерывом в пару минут к Краснопресненской. Это непередаваемые ощущения: темень, холод, за спиной горит адским пламенем закоптившийся Белый дом, подбираешься к парку, а там – каски с щитами блестят. Ясное дело – путь к метро закрыт, нужно ползком к 1905-го. На улице – ни души. Оттого не по себе – раз ты на улице, значит, ты несогласный и, как следствие, под прицелом.

– И вас не поймали?

– Чудом. Мы очень далеко и долго бежали дворами. Дошли в итоге до ж/д станции «Сетунь». Там мы сели на электричку и разъехались кто куда. Нам почему-то казалось, что нас там и примут. К тому же, на станции никого не было, и тут среди ночи на ней объявляется толпа измотанных мужиков, не выпавшихся и с безумным взглядом. Даже пассажиры на нас смотрели так, будто мы с другой планеты.

– Что было потом?

– Вопреки расхожему мнению сопротивление не прекратилось. Спустя месяц участников обороны и родственников погибших собрали в одном из помещений МТУСИ. Там были и Константинов, Умалатова, Анпилов и многие другие видные участники обороны. Стали обсуждать дальнейший план действий.

– И на чём сошлись?

– Не сидеть сложа руки. Те же акции на Октябрьской 7 ноября, которые чуть было не переросли в «новый октябрь», были одной из наших инициатив. В дальнейшем: всякие забастовки, встречи с депутатами, пикеты и прочее, что со временем сошло на нет или превратилось в то, что мы имеем сейчас. А причины были самые разные: кто-то состарился, у кого-то не хватило терпения и сил дальше этим заниматься, кто-то переметнулся, а кто-то продолжил, но по-своему. Те же братья Поповы, с которыми я хорошо знаком, уже 33 года обновляют и защищают мемориал на Дружинниковской от исчезновения.

– Вас наградили орденом «Защитнику Советов»?

– Да, одним из первых. Сначала вручили ордена родственникам погибших, потом нам.

– Вам снились кошмары после пережитого?

– Что-то поначалу мелкое всплывало, но незначительно. Кошмарами это сложно назвать, скорее, отголоски воспоминаний.

– Как вы считаете, если бы Белый дом выстоял, всё могло быть неплохо?

– Конечно. Ведь всё, что мы наблюдаем сейчас – прямое следствие их триумфа. Насчёт своего поколения ничего не скажу – мы своё отстреляли. Но борьба продолжается, и вся надежда, в том числе с нашей помощью и переданным опытом, только на вас!

Беседовал Андрей Пантелеев